

Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
Глава первая. Истоки	9
Глава вторая. Младенчество	21
Глава третья. Молодость	52
Глава четвертая. Бедный Орфей	95
Глава пятая. В счастливом домике	133
Глава шестая. Трудовой элемент	216
Глава седьмая. Вестница в цветах	263
Глава восьмая. Через горы и реки	321
Глава девятая. Русский парижанин	380
Глава десятая. Жить для себя	445
<i>Библиография</i>	491
<i>Основные даты жизни и творчества В. Ф. Ходасевича</i>	497

Глава первая

Истоки

1 Владислав Ходасевич родился в Москве, в сердце “коренной России”, но в семье католического вероисповедания. Дома говорили по-русски (причем это был чистый московский говор) и по-польски. Корни поэта — в сотнях километров к западу от места рождения, в современных Литве и Белоруссии.

О предках по отцу известно немного, да и то лишь со слов самого Ходасевича и его близких.

Анна Ивановна Ходасевич (урожденная Чулкова), вторая жена поэта, вспоминала:

Отец его, Фелициан Иванович, был из литовской обедневшей дворянской семьи <...>. Я видела документы деда, носившего фамилию Масла-Ходасевич, с дворянским гербом, на котором был изображен лев, стрелы и еще какие-то атрибуты — все ярко-синее с золотом¹.

Анна Ивановна разделила с Ходасевичем десять лет жизни; столько же прожил он с Ниной Берберовой. В некрологе Владиславу Фелициановичу Берберова писала:

Отец его был сыном польского дворянина, одной геральдической ветви с Мицкевичем, бежавшего “до лясу” во время восстания 1833 года. Дворянство у него было отнято, земли и имущество тоже².

А вот строки самого поэта — из стихотворения “Дактили” (Январь 1927–3 марта 1928):

¹ ХОДАСЕВИЧ А. И. *Воспоминания о В. Ф. Ходасевиче* // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 391.

² БЕРБЕРОВА Н. *Памяти Ходасевича* // Современные записки. 1939. Кн. LXIX. С. 73.

Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго,
 Бруни его обучал мягкой кистью водить.
 Там, где фиванские сфинксы друг другу в глаза загляделись,
 В летнем пальтишке зимой перебежал он Неву.
 А на Литву возвратясь, веселый и нищий художник,
 Много он там расписал польских и русских церквей.

Что из этих семейных легенд соответствует действительности, а что нет? Видимо, для ответа на этот вопрос требуются дополнительные изыскания. На сегодня можно сказать точно, что дворянский род Ходасевичей (Масла-Ходасевичей) существовал, причем именно в исторической Литве (включавшей часть современной Белоруссии). В XIX веке Ходасевичи числились в дворянских книгах Минской губернии. Кроме того, существовали виленская и трокская ветви рода. Судя по описанному Анной Ивановной гербу, ее свекор происходил из трокской ветви. Древнейший известный Масла-Ходасевич, Ермак (Ермолай), жил примерно в XVI веке. О более отдаленных предках можно лишь догадываться. Как известно, западные русские княжества в самом начале XIV века вошли в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского, которое позднее вступило в унию с Польским королевством и было им постепенно поглощено. Масла-Ходасевичи, как и Рымвиды-Мицкевичи, происходили, вероятно, из местных бояр или дружинников, сперва смешавшихся с литовскими воинами-язычниками, а потом перешедших в католицизм и постепенно ополячившихся. Но отдаленные потомки их вновь оказались в России, и один из них стал великим русским поэтом: круг замкнулся.

Как же польские шляхтичи стали русскими разночинцами? Польского восстания в 1833 году не было. Дед Владислава Ходасевича мог участвовать в восстании 1831-го или 1863 года (художница Валентина Михайловна Ходасевич, племянница поэта, приводит вторую дату). Фелициан Иванович родился предположительно в 1834 (или 1835-м, или 1836-м) году. Следовательно, либо семья утратила состояние и дворянское достоинство за несколько лет до его рождения, либо почти до тридцатилетнего возраста отец поэта был «шляхтичем» и землевладельцем... либо утрата Ходасевичами дворянства и имений не имела никакого отношения к польским восстаниям, и перед нами всего лишь красивая семейная легенда. В Российском государственном историческом архиве документов о лишении Ходасевичей дворянства найти не удалось¹.

1 Зато есть документ «зеркального» содержания: «хлебопашцы» Фаустин Кондратьевич и Захарий Константинович Ходасевичи представили в Сенат Российской империи документы, доказывающие, что их предки были дворянами Великого княжества Литовского, владели имениями и были (в том же 1863 году!) возведены в дворянское достоинство (РГИА. Ф. 1151. Оп. 6. Ед. хр. 1863). Несомненно, речь идет о другой ветви того же рода.

Еще сложнее дело обстоит с обучением отца поэта в Академии художеств. В архивах академии нет никаких материалов о студенте Фелициане Ходасевиче или Масла-Ходасевиче. Скорее всего, Фелициан Иванович посещал рисовальные классы академии в качестве вольнослушателя. Не исключено, что по возвращении в Литву Фелициан Иванович действительно расписывал церкви. Но и дарование его, и уровень профессионализма были, видимо, невелики.

В “Дактилях” отречение отца от живописи описывается как жертва, принесенная ради семьи:

Мир созерцает художник — и судит, и дерзкою волей,
 Демонской волей творца — свой созидает, иной.
 Он же очи смежил, муштабель и кисти оставил,
 Не созидал, не судил... Трудный и сладкий удел!

Противопоставление “художника” и “человека” — один из главных мотивов поэзии Ходасевича. Эти два пути были для него на самом глубинном уровне несовместимы, а какой путь выше и достойнее — на этот вопрос он каждый раз отвечал по-разному. Но на самом деле Фелициан Ходасевич, скорее всего, и не смог бы состояться как художник. По словам Валентины Ходасевич, ее дед “талантом не блистал, любил живопись, но плохо в ней разбирался. У него не было чувства цвета и тона”¹. Далеко не сразу смирился он с этой жизненной неудачей, и обида его выплескивалась на близких. Как вспоминает Валентина Михайловна,

в тяжелые времена дед заметил у старшего сына (моего отца) любовь и способности к рисованию. Он стремился пресечь это, боясь, что сын будет владеть таким же жалкое существование, как и он сам. Мой отец рассказывал, как нещадно он бывал бит, когда дед обнаруживал, что его учебники и тетради испещрены рисунками. После порки ремнем дед гнал сына по лестнице на чердак, бросал ему веревку и говорил: “Иди и там удавись — я не хочу пачкать руки!” Попад на чердак, отец падал на пол, — у него было ощущение, что он летит куда-то, терял сознание. Впоследствии выяснилось, что это были припадки эпилепсии, которыми отец страдал потом всю жизнь².

“Незлюбивая душа” отца, о которой пишет Владислав Фелицианович, — видимо, сложилась уже позднее, под старость.

Кстати, в старости неудачливый живописец попытался вернуться к искусству, хотя бы в качестве дилетанта. В прозаическом плане стихотворе-

¹ Ходасевич В. Ф. *Портреты словами*. М., 1988. С. 23.

² Там же. С. 23.

ния, сохранившемся в архиве Ходасевича, есть такие фразы: “Помню — на муштабель уже неуверенный локоть. Бол. палитра. Пучок кистей. <...> Подмосковные цветы. Портреты внуков — для себя”. Валентина Ходасевич вспоминает, что ее дед бесконечно копировал картину Яна Матейко “Коперник” — с копии, которую тот в свою очередь сделал с копии, находящейся в Румянцевском музее (знаменитый польский художник был несколько моложе Фелициана Ходасевича и жил в австрийской Польше, встречаться лично они не могли). Пятерых своих детей он уже одарил “Коперниками” и заготовлял впрок внукам. Писал он иногда и с натуры бездарную вазочку с воткнутым в нее одним или двумя цветами — любил нарциссы и веточки сирени.

Творчески преображая биографию отца, подчеркивая его высокую жертву, Ходасевич упоминает лишь о том, что тот стал “купцом по нужде”. Но превращение посредственного живописца-недоучки (или даже самоучки) в купца 2-й гильдии было, можно сказать, поэтапным. Сперва Фелициан Иванович занялся коммерческой фотографией, что все-таки предусматривало связь с миром искусства (два великих русских поэта XX века были сыновьями профессиональных фотографов; второй — Иосиф Бродский). Сначала Фелициан Ходасевич с семьей жил в Туле, и там в его фотографическом заведении однажды снималась семья Льва Толстого. После переезда в Москву Фелициан Иванович держал фотографическое заведение на Мещанской, в доме Вятского подворья, по крайней мере до 1889 года, но видного положения среди московских фотографов не занял, и его работы не сохранились. Зато магазин фотографических принадлежностей, основанный им в 1873 году на углу Столешникова и Большой Дмитровки, в доме Бучумова, судя по всему, пользовался успехом — во всяком случае, оказался достаточно долговечным. Это был не самый первый в Москве и тем более в России магазин такого рода, как в 1922 году утверждал Владислав Фелицианович в автобиографическом письме Петру Зайцеву, но точно один из первых.

Вот, собственно, почти все, что мы знаем о Фелициане Ивановиче Ходасевиче, человеке “незловивой души”, шестипалом отце шести детей.

2 О матери Владислава Фелициановича, Софье Яковлевне, вспоминают лишь одно — она была еврейкой по крови, крещеной в католичество и выросшей в католической семье. Немногое говорит о ней и сам поэт:

В детстве я видел в комодѣ фату и туфельки мамы.
Мама! Молитва, любовь, верность и смерть — это ты!

Единственный из предков Ходасевича, чья биография известна в деталях, — дед по матери, Яков Александрович Брафман. Имя этого яркого, хотя и одиозного человека, знакомо всем, кто интересуется историей российского еврейства XIX века. В предисловии к тому Ходасевича в “Библиотеке поэта” Николай Богомоллов излагает его биографию следующим образом: “Перейдя из иудаизма в православие, он всячески старался выслужиться перед новыми единоверцами и поставлял им материалы, обличающие зловещую природу иудаизма, не стесняя себя особыми доказательствами их подлинности”¹. Эта фраза верно передает прижизненную и посмертную репутацию Брафмана, но фактически она неточна. Яков Александрович не был ни тривиальным карьеристом, ни фальсификатором. Дело обстояло сложнее и интереснее.

Яков Брафман появился на свет в 1825 году в городе Клецке, в той же Минской губернии, в чьих дворянских книгах записан был род Ходасевичей. Он родился в бедной семье, к тому же рано потерял родителей.

Одинокому еврейскому мальчику-подростку грозили в те годы не только голод и холод. Дело в том, что в 1828 году на евреев была распространена рекрутская повинность (до этого они, как и некоторые другие религиозные и национальные меньшинства Российской империи, вместо службы платили особый налог). При этом по распоряжению царя у евреев брали, как правило, не взрослых рекрутов, а двенадцати-тринадцатилетних мальчиков, которых направляли в школы военных кантонистов². Лишь после пятилетнего обучения в таких школах они приступали к службе. Официально это мотивировалось необходимостью освоения ими русского языка, но основная цель заключалась в том, чтобы склонить мальчиков к православию.

В случае крепостных крестьян рекрутов обычно назначал барин или его представитель. У евреев решение принимал общинный совет — кагал. При этом имели место злоупотребления: богатые и влиятельные семьи откупали своих сыновей от службы; нужное количество рекрутов набиралось за счет бедняков, причем зачастую вместо тринадцатилетних мальчиков в кантонисты направляли десятилетних, даже семилетних. Существовала особая профессия, называвшаяся колоритным словечком “хаперы”. Эти люди отыскивали сыновей ремесленников и мелких торговцев, которых родители пытались спрятать. Сирота был, конечно же, особенно беззащитен. Якову Брафману приходилось годами скитаться из местечка в местечко, чтобы избежать рекрутчины. Страх, пережитый в детстве, определил его убеждения:

1 Богомоллов Н. А. *Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича* // Ходасевич В. Ф. Стихотворения. Л., 1989. С. 6.

2 Сегодня в сознании многих эти школы ассоциируются именно с малолетними еврейскими рекрутами; в действительности они, по первоначальному замыслу, предназначались для солдатских детей вообще, и еврейские мальчики в николаевскую эпоху составляли лишь некоторую часть их учеников, приблизительно 10–12 %.

он проникся смертельной ненавистью к еврейским общинным институтам и их законам.

В ходе своих скитаний Брафман женился, и приблизительно в 1846 году у него родилась дочь. По-видимому, молодой отец сразу же оставил семью. Неизвестно, узнал ли он, что его дочь взята на воспитание и крещена в католическую веру. О судьбе жены Брафмана источники ничего не сообщают. Но в 1890-е годы в семье Ходасевичей жила “бабушка”, которая, как вспоминал ее внук, говорила на ломаном русском языке: “Закрой фэнстер”. Так говорить могла лишь женщина, чей родной язык — немецкий или идиш, а не польский или литовский. Другими словами, можно предположить, что это была мать Софьи Ходасевич, а не ее мужа. Как же могла молодая женщина бросить дочь, отдать ее на воспитание, позволить обратить ее в католичество... чтобы спустя долгие десятилетия с ней воссоединиться?¹ Еще одна загадка в истории семьи.

Спустя несколько лет после рождения дочери сам Брафман принял в Киеве крещение по лютеранскому обряду. Поселившись в Минске, он занялся (примечательное совпадение!) фотографией, которая в 1850-е годы была новым и экзотическим ремеслом. В 1858 году в его жизни произошел перелом: при проезде императора Александра II через Минск Брафман подал ему “записку о евреях”, которая так заинтересовала государя, что ее автор был вызван в Санкт-Петербург и делал доклад Синоду. В Минск он вернулся уже православным и был приглашен преподавать еврейский язык в местной семинарии. В 1866 году появилась в печати его первая статья — “Взгляды еврея, принявшего православие, на реформу еврейского народа в России”. Она вызвала живой интерес и помогла скромному семинарскому преподавателю обрести влиятельных покровителей, среди которых были генерал-губернатор Северо-Западного края Константин Петрович фон Кауфман и товарищ министра просвещения, директор Публичной библиотеки Иван Давыдович Делянов.

Брафман получил место главного цензора еврейских книг в Вильно и государственное финансирование для своих “изысканий”. Отныне его сочинения появлялись одно за другим в периодике и отдельными изданиями. Наибольший успех имела “Книга Кагала” (1869). Понять этот успех, на первый взгляд, трудно: книга представляет собой сборник постановлений минского кагала и общинного суда (бет-дина), относящихся к концу XVIII века, которые случайно попали в руки Брафмана и были переведены им с помощью ассистентов на русский язык. Назвать это занимательным чтением нельзя никак. Соль была, однако, в той интерпретации, которую давал Брафман канцелярским бумагам, и в том значении, которое он им приписывал:

1 Впрочем, вероятно, и “бабушка” выкрестилась, иначе ей не позволили бы жить в Москве.

Эти документы как нельзя лучше показывают, каким путем и какими средствами евреи, при самых ограниченных правах, вытесняли чужой элемент из местечек своей оседлости, завладевали капиталами и недвижимым имуществом этих местностей и освобождались от конкурентов другой национальности в делах торговли и ремесленничества. <...> И наконец, что важнее всего, в этих документах лежит ясный ответ на вопрос: почему все попытки нашего правительства изменить жизнь евреев не увенчались успехом в продолжение текущего столетия¹.

Что же увидел Яков Александрович в бумагах семидесятилетней давности? Во-первых, доказательства тому, что евреи составляют “государство в государстве” и не считают нужным подчиняться общим законам. Во-вторых, примеры того, как кагал манипулирует христианами, эксплуатируя их и с помощью различных махинаций присваивая их имущество. Сам Брафман в это, видимо, искренне верил. Верили и его читатели. Неслучайно Императорское Географическое общество, к примеру, объявило, что “Книга Кагала” “прямо отвечает на многие задачи, предложенные к исследованию этнографической экспедицией в Западный край”. Людям вообще нравится, когда документы подтверждают их картину мира. А подлинность документов, представленных Брафманом, никто из его многочисленных евреев-оппонентов опровергнуть не мог. Что же до ошибок в их понимании, вызванных плохим знанием права — и традиционного еврейского, и магдебургского, на основании которого действовали в Восточной Европе самоуправляющиеся общины, — то это никого особенно не интересовало. Да и не было нейтральных специалистов, которые могли бы уличить бывшего фотографа в невежестве и передержках и которым поверили бы (евреям — не верили).

Но для самого Брафмана был гораздо важнее другой аспект проблемы, до которого его православным читателям не было никакого дела. Прежде всего он был убежден, что кагал², в котором заправляют богатые и родовитые евреи, эксплуатирует не только “гоев”, но и трудовые еврейские массы, обратив их “в доходную для себя статью, в слепое орудие для своих целей”³. В голове Якова Александровича сложилась стройная, хотя и совершенно фантастическая картина того, как и почему это случилось. Все началось, ни много ни мало, в I веке нашей эры, во время Иудейской войны, когда жестокий завоеватель римский император Веспасиан вручил “управление внутренней

1 *Книга Кагала. Материалы для изучения еврейского народа*: В 2 т. / Собрал и перевел Яков Брафман. Вильно, 1869; 2-е изд.: СПб., 1875. Т. 1. С. XV.

2 Строго говоря, учреждения с таким названием не существовало с 1844 года, так что Брафман употреблял это слово расширительно, имея в виду вообще всю систему еврейского общинного самоуправления.

3 БРАФМАН Я. *Еврейские братства, местные и всемирные*. Вильно, 1868. С. 19.

жизнью оставшегося Израиля”¹ членам “ученого братства” во главе с трусом и коллаборационистом Иохананом Бен Закаем².

Во всех еврейских общинных институтах, во всех “братствах” — ремесленных, погребальных и т. д. — Брафман видел средство для закабаления “плебеев” “патрициями”. Он подробно расписывал механизмы этого закабаления, показывал, как руководители общин мелочно регламентируют жизнь бедняков, обкладывают их различными поборами. С особым личным чувством (которое можно понять) Брафман описывает махинации с рекрутскими наборами. В этой, да и в других претензиях к еврейскому общинному укладу он был отнюдь не одинок. Еврейские писатели, связанные с Гаскалой (национальный вариант Просвещения), описывали те же явления ничуть не менее язвительно (можно вспомнить хотя бы пьесу классика еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима “Такса” 1869 года, красочно живописующую злоупотребления при так называемом “коробочном сборе”). Однако Брафман не видел в еврейских просветителях и прогрессистах своих союзников: именно они-то и были для него злейшими врагами. Он не верил в то, что евреи могут стать “русскими (немцами, французами) Моисеева закона”, о чем всерьез мечтали многие адепты Гаскалы; в то же время он резко отрицательно относился к “палестинофильству” (слова “сионизм” тогда еще не существовало), считал его вредным и опасным для России, хотя многие царские чиновники придерживались иного взгляда на переселение евреев в Палестину. Европеизированные казенные еврейские училища он считал еще более вредными, чем старинные ешивы (духовные школы), и предлагал их закрыть.

Правительственная политика, по мысли Брафмана, должна была заключаться в том, чтобы “уничтожить все то, что создает из евреев отдельную общину, чтобы подчинить их в этом отношении общим государственным законам”³. Надо, чтобы единственной возможностью выхода из “гетто”, из ненавистного и Брафману, и его оппонентам местечкового мира, было крещение. Яков Александрович исступленно верил: только отказ и от национальности, и от религии отцов может избавить угнетенных “плебеев” от власти “патрициев”. “Эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства”, — Брафман охотно подписался бы под этими словами Карла Маркса, хотя как монархист и царский чиновник едва ли симпатизировал радикальному немецкому философу.

Евреи Российской империи Брафмана ненавидели. И потому, что его труды повлияли на политику царских властей (и на последующую публицистику

1 БРАФМАН Я. *Еврейские братства, местные и всемирные*. С. 13.

2 В реальности Бен Закай — выдающийся законоучитель, способствовавший сохранению еврейской религиозной традиции после разрушения Второго Храма. С этой целью он сотрудничал с римлянами, и многие современники в самом деле видели в нем предателя.

3 *Книга Кагала*. Т. 1. С. 355.

по “еврейскому вопросу” на русском языке — вплоть до сочинений Вадима Кожина и Игоря Шафаревича), и из-за суровости, которую проявлял он в качестве цензора. Между тем историки отмечают, что у Брафмана был своего рода “двойник” — писатель Григорий Богров, чьи “Записки еврея”, напечатанные в 1871–1873 годах в “Отечественных записках”, как и последующие повести “Пойманник” и “Маниак”, вызвали горячий интерес и в еврейской среде, и за ее пределами. Пафос этих книг, пронизанных неприязнью к еврейской религиозной и финансовой “олигархии”, во многом напоминает пафос книг Брафмана. Но Богров (формально до последних лет жизни сохранявший верность иудаизму) апеллировал не к ненавистным царским властям: его записки появились в журнале, издававшемся культовыми прогрессивными писателями — Николаем Некрасовым и Михаилом Салтыковым-Щедриным. Едва ли, впрочем, они относились к евреям лучше, чем Кауфман и Делянов (вспомним хотя бы карикатурных еврейских банкиров из некрасовских “Современников”), зато сама еврейская молодежь находилась под обаянием их освободительных идей.

Почему об этом стоит вспомнить сейчас? Дело в том, что у Григория Исааковича Богрова был внук: Богров-внук, странная искаженная тень аксаковского Багрова-внука. Тот самый Дмитрий Григорьевич Богров, помощник присяжного поверенного из Киева, чей выстрел в 1911 году сыграл роковую роль в российской истории. И у Якова Александровича Брафмана был внук — поэт Ходасевич.